

The Philharmonic has a slew of new works, but evil tongues say the first ones (of French origin) are only there to highlight the latest—Rachmaninoff's "The Bells." But let me still unburden myself by scolding the "nobles et sentimentales" waltzes of Ravel, a composer always sensitive to orchestral sonority and almost always elegant, but here, for some reason, coarsened. Well, the interlude "Au jardin de Marguerite" by Roger Ducasse deserves every criticism: even if the composer has the ability to orchestrate gracefully, even if his themes are decent, one cannot help but have one's own "signature," one cannot hang in the air between... a banal salon and the room of a refined modernist! What kind of pepper in sugar, chocolate with pickles and soy is this! But there would be no point in getting so excited about R. Ducasse, if not for our unlimited trust in Rachmaninoff's taste. He gives us so little that is new that his recommendation always seems to promise us something worthwhile, something full-bodied... This time, however, he did not disappoint our expectations with his "The Bells." I am far from thinking that the author's inspiration created "The Bells" in a single impulse, but where passion was lacking, Rachmaninoff's experience and skill came to his aid. His soul was clearly drawn to moments of tragic complexity, to the last two parts of the poem, and here there are truly captivating moments of astonishing power. And the most remarkable thing is that after the tragic collapse of the third part, the finale is not lost at all, although the baritone solo, as well as the other solos, was rather pale. And how beautiful these mournful chimes are, how masterfully the muffled choral sonority is used here, and how sweet the conclusion, in the spirit of pure Rachmaninoff lyricism. My heart is not in the first two movements, but even here I admired the marvellous fullness of the orchestra and all the gradations of this sonority. The soloists (Ms. Stepanova and Messrs. Bogdanovich and Pavlovsky), the orchestra, and the chorus, the latter's part being particularly difficult, coped well with their task, so that the success of Rachmaninoff's new brainchild was magnificent. [...] Gr. Prokofiev

[Translation: Google]

Въ Филармоніи пѣлый рядъ новинокъ, но злые языки говорятъ, что первыя (французскаго производства) лишь для того, чтобы отмѣтить послѣднюю — «Колокола» Рахманинова. Но все-таки позвольте отвести душу, побранивъ вальсы «nobles et sentimentales» Равеля, компо-зitora, всегда чуткаго къ оркестровой звучности и почти всегда изящнаго, но тутъ по-чему-то огрубѣвшаго. Ну, а интермедія «Au jardin de Marguerite» Роже-Дюкасса заслужи-ваетъ всяческаго порицанія: пусть въ авторѣ есть умѣніе изящно оркестровать, пусть и темы у него попадаютъ приличныя, нельзя же не имѣть своего «почерка», нельзя повиснуть въ воздухѣ между... банальнымъ салономъ и ком-натой утонченнаго модерниста! Что это за перець въ сахарѣ, шоколадъ съ пикули и соей! Но не стоило бы и горячиться изъ за Р. Дюкасса, если бы не наше неограниченное довѣріе ко вкусу Рахманинова. Онъ даетъ намъ такъ мало новинокъ, что его рекомен-дація всегда какъ-бы сулитъ намъ нѣчто стоящее, полное... На этотъ разъ онъ за то не обманулъ наши ожиданія своими «Колоколами». Я далекъ отъ мысли считать, что вдохновеніе автора создало «Колокола» однимъ порывомъ, но тамъ, гдѣ не было увлеченія, на помощь Рахманилову приходила опытность и мастерство. Душа его лежала очевидно къ моментамъ, трагической складки. къ двумъ послѣднимъ частямъ поэмы и здѣсь дѣйствительно есть моменты увлекательные и поразительной силы. И самое замѣчатель-ное, что послѣ трагическаго развала третьей части финалъ ничуть не теряется, хотя бари-тонное соло,

какъ впрочемъ и другія соло, довольно блѣдно. А какъ хороши эти звоны печальные, какъ мастерски здѣсь использо-вана заглушенная хоровая звучность и какъ мило заключеніе въ духѣ чистаго рахманинов-скаго лиризма. Къ первымъ двумъ частямъ моя душа не лежитъ, но и тутъ я любовался дивной полнозвучностью оркестра и всѣми градаціями этой звучности. Солисты (г-жа Степанова и гг. Богдановичъ и Павловскій), оркестръ и хоръ, партія котораго особенно трудно хорошо справились со своей задачей, такъ что успѣхъ новаго дѣтища Рахманинова былъ прекраснымъ.